

- Iadov, V. A. (1994) Sotsial'naiia identifikatsiia v krizisnom obshchestve. *Sotsiologicheskii zhurnal*, no. 1, pp. 35–52. (In Russ.).
- Iimonen, P. (2013) Visual identity in Facebook. *Visual studies*, vol. 28, no. 2, pp. 122–135.
- Giddens, A. (2001) *Nowoczesność i tożsamość: «Ja» i społeczeństwo w epoce późnej nowoczesności*. Warszawa : PWN. 322 p.
- Goffman, E. (1963) *Stigma: Notes on the management of spoiled identity*. Englewood Cliffs : Prentice-Hall. 168 p.
- Goffman, E. (1972) Supportive Interchanges. In: Goffman E. *Relations in public microstudies of the public order*. N. Y. : Harper Row. P. 62–94.
- Marcia, J. E. (1980) Identity in adolescence. In: Adelson J. (ed.) *Handbook of adolescent psychology*. N. Y.: John Wiley. Pp. 109–137.
- Mead, G. H. (1946) *Mind, Self and Society*. Chicago, The Univ. of Chicago Press. 401 p.

Submission date: 10.09.2019.

Ковалева Антонина Ивановна — доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии Московского гуманитарного университета. Адрес: 111395, Россия, г. Москва, ул. Юности, д. 5, корп. 1. Тел.: +7 (499) 374-60-21. Эл. адрес: socio-mosgu@mail.ru

Kovaleva Antonina Ivanovna, Doctor of Sociology, Professor, Head, Department of Sociology, Moscow University for the Humanities. Postal address: 5, Yunosti St., Moscow, Russian Federation, 111395. E-mail: socio-mosgu@mail.ru

DOI: 10.17805/zpu.2019.4.8

Субкультуры «лесные хулиганы» и «офники» в культурном пространстве молодежи

О. В. СОРОКИН

ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ РАН;

ВЫСШАЯ ШКОЛА СОВРЕМЕННЫХ СОЦИАЛЬНЫХ НАУК

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА ИМЕНИ М. В. ЛОМОНОСОВА

В статье анализируется субкультура футбольных фанатов как форма объединения и самоорганизации молодежи. Эмпирической базой выступила серия фокусированных интервью с учащимися средней школы и колледжа г. Москвы в 2019 г. Опрашивались участники субкультуры «лесных хулиганов» и выяснялось их отношение к субкультуре «офников» внутри околофутбольного сообщества.

Рассматриваются признаки делинквентных субкультур, характерные для сообществ «лесные хулиганы» и «офники»: наличие своей территории, организационной структуры, некоторой степени солидарности, регулярное совершение различных правонарушений, демонстрация субкультурных знаков, обеспечивающих идентификацию членов сообщества, насильственный характер действий, участие в групповых драках, «охрана» территории и др. Саморегуляция девиантного поведения внутри субкультуры футбольных фанатов отражает процессы размежевания, отделения так называемых правильных фанатов от офников, организаторов акций «Поясни за шмот».

Ключевые слова: молодежь; девиантное поведение; девиантное поведение молодежи; делинквентные субкультуры; футбольные фанаты; лесные хулиганы; офники

ВВЕДЕНИЕ

Проблема изучения роли субкультур с признаками делинквентности в социокультурном пространстве российской молодежи представляется особо актуальной в силу нескольких причин. Во-первых, в современной социологии вопрос соотношения нормы и отклонения становится проблемой методологической, обсуждаемой в парадигме социальной неопределенности, деструкции нормативности и нормализации аномии. Во-вторых, в последнее время наблюдается существенный сдвиг в формировании молодежных субкультур и способов объединения вокруг них молодежи. Общим стало не только размывание жестких границ между нормативным и отклоняющимся поведением, но и очертаний самих субкультур. В-третьих, в современном обществе клеймение определенных молодежных групп как «девиантных» часто оборачивается нивелированием истинных, сущностных проблем в молодежной среде.

Цель данной статьи — изучение роли субкультур футбольных фанатов «лесные хулиганы» и «офники» в культурном пространстве молодежи. Задачи статьи: рассмотреть сущностные особенности делинквентных субкультур; изучить, как данные особенности представлены в субкультурах «лесные хулиганы» и «офники»; представить результаты серий фокусированных интервью с участниками околофутбольного движения и информантов, осведомленных о данном движении; рассмотреть субкультуры футбольных фанатов как формы объединения и самоорганизации молодежи.

Под околофутбольными субкультурами «лесных хулиганов» и «офников» («Поясни за шмот») в данной статье понимаются культуры молодых людей, включенных в околофутбольное движение, которые отличаются своими ценностями, способами жизнедеятельности, нормами поведения, выполняющими функцию саморегуляции жизнедеятельности их участников. И у «лесных хулиганов», и у «офников», как правило, присутствует осознание своей исключительности, что выступает одним из значимых признаков выделения данных субкультур (Социология молодежи, 2008: 497).

Материалы, которые легли в основу данной статьи, представляют собой серию фокусированных интервью с молодыми людьми, знакомыми с сообществами — делинквентными субкультурами «лесные хулиганы» и «офники». Исследование носило характер пилотажа и стало первым исследованием в рамках разработки проблематики социокультурной саморегуляции молодежи, ключевым элементом которой являются молодежные сообщества.

Информантами выступили 8 учащихся ГБОУ г. Москвы «Школа № 1476» (из них: 4 юношей и 4 девушки) и 15 студентов ГБОУ «Колледж архитектуры, дизайна и реинжиниринга № 26» (из них 14 юношей и 1 девушка). Серии фокусированных интервью проводились в апреле — мае 2019 г. Всех информантов объединяет то, что они либо являются участниками околофутбольного движения, либо хорошо осведомлены о данной субкультуре. Рекрутинг информантов проводился через педагогические сообщества учебных заведений. В основе методологии исследования были использованы принципы феноменологической социологии. Целью исследования было изучение представлений о субкультурах «лесные хулиганы» и «офники», понимание их места в социокультурном пространстве молодых людей.

СУБКУЛЬТУРЫ В КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ МОЛОДЕЖИ

Молодежные субкультуры в социологии рассматриваются в аспекте культурных кодов, программ, устанавливающих допустимые рамки группового поведения и регулирующих взаимодействия включенных в них молодых людей (Чупров, Осипо-

ва, 2011: 116). Нормы субкультуры, отражая идеи, ценности, задают не только определенные параметры поведения, но и оценки объектов реальности. Выработывая их, субкультура регламентирует отношения молодых людей к объектам реальности и обобщенные образцы поведения. От атрибутивных (ношения одежды, норм гигиены, предметов) до идейных (ценностей, идеалов) и поведенческих (проведения досуга, стиля общения и т. д.) такие образцы поведения и оценок становятся основанием саморегуляции повседневных взаимодействий молодежи. По мере погружения в нее субкультура играет важную роль в определении способов самоорганизации и тезаурусной саморегуляции (Луков, 2012: 319).

Регуляционная функция субкультуры выражается непосредственно через смыслообразование: конструирование смыслов и их интериоризацию. На их основе происходит осмысление жизненных выборов молодых людей. Поэтому функционально субкультуры участвуют и в формировании представлений о социальной реальности, и в ее конструировании. Представления о реальности формируются в процессе социальных взаимодействий между участниками молодежных сообществ, включенных в общие культурные практики. По мере погружения в субкультурное пространство молодой человек усваивает знания об объективных условиях жизнедеятельности, границах доступного, приемлемых образцах поведения. В соотнесении этих представлений и образов с другими участниками уверенность в их подлинности, адекватности усиливается; вместе с данной уверенностью растет убежденность в своих ожиданиях и в способности их реализовать в данных условиях (Чупров, Зубок, Романович, 2019: 8). Модель реальности, которую вырабатывает субкультурное сообщество и с которой идентифицируется молодой человек, позволяет выстраивать отношения с другими участниками, доверять или не доверять сообщаемой информации, конструировать свои статусно-ролевые позиции, стратегии достижения ожидаемого успеха.

В смыслах, формируемых в субкультурах, отражается целый комплекс представлений и нравственных убеждений, как правило, заметно отличающихся от императивов доминирующей культуры, культивируемых институционально и транслируемых молодежи в качестве образцов социализационной нормы (Ковалева, 1996). Поэтому с точки зрения классической социологии молодежные субкультуры — средоточие девиаций, нарушающих порядок и статус-кво (Парсонс, 2002: 367), что определяет способы реагирования общества и его институциональных структур. Между тем даже в классическом подходе девиация не рассматривается как явление однородное и однозначное. Как известно, единственным нормативным типом поведения, по Р. Мертону, является конформизм, а девиантные проявления в числе других включают разные варианты инновационного поведения, где инновация предполагает согласие с общими для группы ценностями, но рационализацию средств их достижения (Мертон, 1966: 300).

«Как процесс создания, распространения и использования нового практического средства (новшества) для новой или лучшего удовлетворения уже известной потребности людей» (Лапин, 2008: 43) такого рода отклонения приобретают иной культурный и тем более общественный смысл. Конструирование новых смыслов как отражение изменяющейся реальности и конвертация их в современные практики как следствие закрепления происходящих изменений часто иницируются именно в субкультурах. Принимая на себя роль генератора обновления, молодежные субкультуры с их зыбкими гранями между нормами и девиациями могут становиться значимым источником социокультурной динамики. В этой связи не теряет общественной актуаль-

ности вопрос наделения конструктивным смыслом тех или иных элементов, рождающихся как проявления молодежных культурных экспериментов, но оказывающих заметное влияние на социокультурную трансформацию общества в целом. Поэтому в современной социологии вопрос соотношения нормы и отклонения приобретает еще более острое звучание, становясь проблемой методологической.

В силу прогрессирующей дифференциации молодежи, размывания однозначности, утверждения множественности норм и вариативности образцов поведения, ослабления модальности и смягчения жестких поведенческих правил вопросы девиации в целом и применительно к молодежным сообществам обсуждаются сегодня в парадигме деструкции нормативности и нормализации аномии (Зубок, 2015; Омельченко, 2019; «Нормальная аномия» ... , 2017; Девиантность, преступность ... , 2012). Они осмысливаются с позиций мозаичности современного культурного пространства. Вследствие распада общих легитимных норм, демонтажа обязательных норм и обсуждения факта расширения репертуара «нормальностей» в культурном пространстве изменяющейся реальности изменяются и подходы к пониманию самих молодежных субкультур, и подходы к их позиционированию по шкале «норма — отклонение». Так, социологами отмечается существенный сдвиг в формировании молодежных субкультур и способов объединения вокруг них молодежи. Общим стало не только размывание границ между нормативным и отклоняющимся поведением, но и изменение очертаний самих субкультур, их собственных границ; способы соотнесения себя с конкретными сообществами существенно смягчились, а принадлежность к ним стала условной; приверженность одной субкультуре и ее образцам уступила эклектике и разнообразию множественных солидарностей в рамках культурного пространства (Омельченко, 2019: 19).

При этом в социокультурном пространстве российской молодежи сегодня существует множество субкультур, не выходящих за рамки правовых норм и не наносящих ущерб окружающим. Но есть и такие, которые демонстрируют практики агрессивного, антиобщественного поведения. Если ее участники проявляют агрессивность по отношению к обществу и вовлекаются в деструктивные практики, такая молодежная субкультура может нести в себе черты девиантной группы (Пятницкая, 2011: 17). Практики, в числе которых хулиганство, разбойные нападения, драки, ставят такое сообщество на грань нарушения закона, сообщая такому сообществу черты делинквентности (от англ. *delinquency* — преступность и лат. *delinquere* — полностью покинутый).

Несмотря на размывание общих критериев девиации, понимание делинквентности имеет более четкое выражение. В социологии понятие «делинквентная субкультура» охватывает своим содержанием молодежные сообщества преступников или осужденных, которые по своей направленности противостоят господствующей нормативной культуре. Атрибутами жизненного стиля делинквентных молодежных сообществ выступают драки, кражи, употребление алкоголя, наркотиков, рэкет, гемблинг и сексуальные авантюры (Комлев, Сафиуллин, 2006: 53; Комлев, 2014: 122).

Одним из первых термин «преступная субкультура» применительно к молодежным сообществам использовал А. Коэн в 1955 г. С его точки зрения, в подобных субкультурах агрессивный и антиобщественный стиль поведения востребован, поскольку в понимании участников этих сообществ такой стиль отражает ценности славы, доблести и чести. Следовательно, исследователь развивает идею о том, что делинквентная субкультура заимствует нормы и ценности общей, доминирующей культуры, при

этом они приобретают иной, часто противоположный по отношению к исходному смысл, что и предопределяет скорее негативное их восприятие в обществе (Cohen, 1955: 28). Механизмы функционирования делинквентных субкультур мало чем отличаются от других субкультур — групповые ценности отражаются в форме ритуалов, символов, обрядов, табуирования некоторых форм социального поведения; регулярные встречи участников, наличие лидеров, распределение ролевых обязанностей способствуют групповой сплоченности и вовлеченности каждого участника в общее дело. Главное же отличие содержится в характере проявлений, существенным элементом которого является групповая агрессия. Оправдание насилия, как правило, выступает в делинквентной субкультуре центральным элементом. Благодаря внутреннему насилию в такой группе удерживается надлежащий уровень сплоченности, проводятся обряды инициации, а благодаря внешнему — повышается статус сообщества среди конкурирующих групп (Decker, 1996; Short, Strodbeck, 1965). Активное участие члена делинквентного сообщества в противостоянии конкурирующим группам повышает его репутацию среди остальных участников его группы. О нем начинают слагать мифы, со временем он обретает статус легенды (Klien, Meyerhoff, 1968).

Изучая солидаристские практики в закрытых мужских сообществах, Е. А. Омельченко отмечает, что границы территорий и идентичность в таких группах регулируются групповой идеологией, гендерной и телесными режимами, стилями жизни (Омельченко, 2014: 62). А общими для всех молодежных делинквентных сообществ выступают следующие признаки: наличие своей территории, организационной структуры и некоторой степени солидарности, регулярное совершение различных правонарушений, демонстрация субкультурных знаков, обеспечивающих идентификацию членов сообщества, насильственный характер действий, участие в групповых драках, «охрана» территории и др. (Салагаев, 2011: 9).

Как и любые другие молодежные сообщества, делинквентные субкультуры выполняют функцию адаптации молодого человека к новой реальности. Изучая субкультуры молодежных банд в американском штате Техас, исследователь М. Тапия отмечает, что банды мигрантов из Мексики (чиканос) подражают субкультуре афроамериканских банд (субкультуре «Ганста» или «гетто-Ганста»). Благодаря их социальной мимикрии происходит ослабление этнической самоидентификации криминальных групп мигрантов из Мексики (Тариа, 2019: 323). Данные процессы происходят во многом благодаря принятию стиля жизни, музыкальных предпочтений, языковых символов, системы ценностей субкультуры «Ганста» членами чиканос. На примере Ганст-субкультуры в США видно, что в социокультурном пространстве молодежных групп она выполняет функцию интеграции банд мигрантов в криминальный мир принимающей страны. По мнению М. Тапия, делинквентная субкультура «Ганста» популяризируется в среде молодых американцев из низших слоев населения благодаря гаджетам, социальным интернет-сетям, через которые транслируются ее образцы (там же: 323).

В случае если основными причинами вовлечения в делинквентные субкультурные группы выступают плохое обращение с детьми в родительской семье, отсутствие позитивной социальной поддержки в жизни подростка, его депрессивное состояние, заниженная самооценка, общение со сверстниками-правонарушителями, проживание в неблагополучном районе и др., то субкультура, в том числе делинквентная, предлагает привлекательную альтернативную модель сетевой поддержки (Kubik, Docherty, Boxer, 2019; Lauger, 2012; Smith, Thornberry, 1995). Не случайно вовлечение в делинк-

вентные сообщества происходит преимущественно в подростковом возрасте 14–18 лет (Smith et al., 2019, Glesmann, Krisberg, Marchionna, 2009). При этом типичным становится проявление агрессивного поведения и насилия в банде, а также подотчетность перед сверстниками участием в битвах и сражениях (McDaniel, 2012; Bell, 2009).

Таким образом, роль делинквентных субкультур в социокультурном пространстве заключается в компенсации различных уязвимостей, от которых страдает молодой человек, и одновременно регуляции социальных взаимодействий участников, в их социальной поддержке и интеграции. При этом значимую роль играет поддержание субкультурной идентичности всеми участниками сообщества.

Существует и другой взгляд на формирование феномена делинквентных сообществ. В рамках наиболее радикального, но авторитетного конструктивистского направления это связывается с целенаправленным созданием властными группами образов молодежных групп уже не просто как девиантных, а делинквентных. С этих позиций молодежные субкультуры представляются большей частью жертвами клеймения и репрессий со стороны политических, культурных, социальных элит, иницирующих «моральные крестовые походы» с целью управления ими. Описывая «моральную панику» в обществе по поводу делинквентных групп, Э. Год и Н. Бен-Ехуда, объясняют ее мотивом поиска внутренних врагов и введения нормативной, институциональной политики, результатом которой становятся законодательные акты целенаправленного регулирования жизнедеятельности индивидов и групп (Goode, Ben-Yehuda, 1994: 169).

Провозглашаются новые или возрождаются прежние моральные и нормативные институты, имеющие своей целью защиту основ безопасности молодежи и общества, напрямую увязываемые с деятельностью этих групп. При всей значимости такого регулирования может отмечаться рост политизации проблемы и манипулирования, что приводит к нарастанию напряженности в молодежной среде и придает противостоянию политический смысл. В то же время может наблюдаться редуцирование проблемы до рутинного противоречия между поведенческими практиками «отцов и детей». Так в 2016–2017 гг. в российских СМИ развернулась дискуссия вокруг так называемых групп смерти в социальных интернет-медиа, которая привела к росту панических настроений в российском обществе в отношении социальных сетей как фактора суицидальной активности молодежи (Ефимов, 2017: 139). Одновременно с этим появился ряд развенчивающих материалов, оставлявших ощущение недооценки проблемы, при этом авторы обращали внимание на более глубокие социальные предпосылки, на фоне которых действия подобных сообществ были скорее триггером. В случае надлома молодежи и ее отчуждения, т. е. наличия проблемы, подобные сообщества получают реальное влияние на молодых людей. Поэтому, если «парадигма политизации» привлекает внимание к проблеме контроля и подавления, парадигмы межпоколенческого конфликта и культурного эксперимента призваны снизить градус общественного беспокойства, нейтрализуя значимость рисков, то акцент на социальных предпосылках переводит внимание на социальную обусловленность явления.

Между тем редуцирование общественного беспокойства играет двоякую роль. Оно ограждает молодежные сообщества от тотального контроля и напрямую утверждает право на социокультурную субъектность и одновременно понижает моральную ответственность самих участников молодежных сообществ. Молодые правонарушители не испытывают чувства вины за совершенные мелкие противоправные деяния, поскольку не связывают себя с общественно значимыми ценностями (Toralli, 2005: 797).

Оправданию отклоняющегося поведения способствует включенность правонарушителя в субкультуру, в которой общественно значимые нормы и ценности трактуются по-своему. Тот же механизм действует в отношении любых форм отклонений. Члены молодежных субкультур сознательно нейтрализуют и ослабляют оценки девиантного поведения, которые транслируются институтами, нивелируя тем самым для себя моральные нормы и ценности. А включенность в смысловое пространство криминализованной субкультуры позволяет участнику рассматривать смыслы ее моральных и нравственных норм как превосходящие или доминирующие над смыслами и трактовками господствующей культуры (Copes, Williams, 2007: 247).

*«ЛЕСНЫЕ ХУЛИГАНЫ» И «ОФНИКИ»:
ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ*

Для субкультур «лесные хулиганы» и «офники» характерны признаки делинквентных субкультур, связанные с участием вовлеченной в их деятельность молодежи в групповых драках, насильственный характер действий, совершение различных правонарушений (особенно участниками сообществ «офники»). В данных субкультурных сообществах существует разделение по командным, территориальным признакам, высокая степень солидарности, идентификация членов сообществ и факты совершения противоправных деяний.

О субкультуре «офников» в нашей стране стало широко известно в 2010-х гг. В основном информация о ней распространялась через средства массовой информации и интернет-сообщества. Немаловажную роль в популяризации данной субкультуры сыграл выход на российские экраны в 2013 г. фильма «Околофутбола». Делинквентными признаками у «офников» выступают: экстремистская направленность субкультуры, применение действий насильственного характера в отношении людей, не имеющих отношения к околофутбольному движению, агрессивное поведение в отношении вражеских групп внутри субкультуры, к сотрудникам правоохранительных и властных структур.

Название «офники» происходит от сокращения «оф» от словосочетания «около футбола» или «околофутбола». Субкультура объединяет сообщества молодых людей, которые поддерживают и участвуют в организации драк, битв (разг. «забивов») между группами футбольных фанатов (разг. «фирмами», «бригадами») в лесных массивах. Подобные битвы заканчиваются победой одной из команд (разг. «состава»), как правило, сопровождаются серьезными увечьями и травмами участников. Кроме того, субкультура «офники» объединяет молодых людей, которые ведут негласный контроль в подростковой и молодежной среде за соблюдением свода правил околофутбольного движения, в частности в вопросах ношения «правильной» одежды участниками движения. Например, популярным брендом одежды у представителей праворадикальных группировок в 2000-е гг. стали марка итальянской одежды Stone Island («стоники» — разг.), марки немецкой одежды Thor Steinar, Ansgar Aruan и др. За право носить такую одежду обладатель вещи должен «стоять» (от разг. — быть активным участником фанатского движения или участвовать в акциях праворадикальных организаций). Если человек не может объяснить, по какому праву он носит данную одежду, то по отношению к нему применяются санкции в форме изъятия данной одежды, физического насилия и публичного морального унижения. Своих потенциальных жертв сами офники часто называют модниками за показное отношение к околофутбольной субкультуре. Благодаря активному вниманию к деятельности подобных

группировок со стороны журналистского сообщества, в 2010-х гг. за «офниками» закрепилось прочное название «Поясни за шмот» (т. е. «объясни мне, почему ты носишь данную одежду») — за типичную фразу, которую произносят представители данных группировок, обращаясь к потенциальным жертвам.

В фанатской субкультуре в последние годы сложилось неоднозначное отношение к практике «пояснять за шмот». Из-за широкой огласки в медиа некоторые группы околофутбольщиков пытаются отмежеваться от групп фанатов, которые практикуют подобное. Первые стали называть себя «лесными хулиганами» (название связано с тем, что участники проводят свои битвы преимущественно в лесных массивах). «Лесные хулиганы» позиционируют себя как последователи традиций настоящих околофутбольщиков, которые проводят негласные битвы с вражескими группами фанатов. Поэтому в свои ряды стараются набирать сознательных молодых ребят в возрасте 17–25 лет. У «лесных хулиганов» есть свой свод правил поведения рукопашных битв, образа жизни, поведения на спортивных стадионах, участия в выездах своей спортивной команды, существует своя система символов и знаков, например в виде рунических символов, с помощью которых они идентифицируют членов своей общности. Неформальные правила жестко регламентируются в среде «лесных хулиганов».

К второй группе участники фанатского движения стали относить собственно офников, которые, помимо участия в «забивах», активно практикуют акции «пояснения за шмот». Вторая группа объединяет преимущественно молодых людей подросткового возраста 12–16 лет. Опытные «околофутбольщики» презрительно относятся к их деятельности, называя их «малолетками». По сути, подобное разделение стало основанием для складывания в рамках фанатского движения двух субкультур: «лесных хулиганов» и «офников». При этом если в Москве «лесные хулиганы» пытаются отмежеваться от «офников», то в регионах принципиальных различий между ними практически не существует.

Молодежная субкультура футбольных фанатов получила широкое распространение в нашей стране в начале 1990-х гг. Изначально в нее входили ярые фанаты, которые на спортивных стадионах отстаивали цвета и традиции своих футбольных команд. В конце 1990-х — начале 2000-х гг. активность со спортивных трибун постепенно переместилась на поляны, на которых встречались фанаты противоположных команд и с помощью рукопашного боя выясняли отношения друг с другом. Данные «встречи» за стадионами в околофутбольной среде стали называться пересечениями.

Сегодня субкультура футбольных фанатов объединяет разные молодежные группы, деятельность которых напрямую может быть не связана с поддержкой футбола. Так в 2000-е гг. в рамках движения широкое распространение получили так называемые ультраправые молодежные группировки и левонационалистические группировки. В исключительных ситуациях, например как это было в Москве, на Манежной площади в декабре 2010 г., данные группы внутри субкультуры солидаризировались и объединялись.

Сегодня активные участники околофутбольного движения, как правило, стараются размежеваться с ультраправыми и левыми группировками, существующими внутри данной субкультуры. Этот процесс стал нарастать после ряда резонансных событий на Украине в 2013–2014 гг.¹, и последовавшего за этим усиления контроля за околофутбольным движением со стороны российских властей. Внутри околофутбольного движения произошел серьезный раскол. Часть идейных участников движения поддер-

жала добровольческие батальоны, воюющие на востоке Украины на стороне официальных властей. Некоторые околофутбольщики уехали воевать за них. Другие поддерживали пророссийскую позицию в вопросе присоединения Крыма и оказания помощи самопровозглашенным республикам на востоке Украины.

Самой популярной по степени распространения в околофутбольном движении стала субкультура «лесные хулиганы». Участники данной субкультуры позиционируют себя как сторонники здорового образа жизни, занятий спортом, следования исконно русским традициям, к которым относят и практику проведения рукопашных боев. Именно поэтому «лесные хулиганы» часто публично осуждают сторонников практики «пояснять за шмот», называя их презрительно не «околофутбольщиками», а «офниками». В своей среде они критикуют «офников», поддерживающих акции типа «Поясни за шмот» как девиантов, считая, что поддерживать такую субкультуру могут преимущественно незрелые молодые люди, школьники и подростки, которые по разным причинам не в состоянии самостоятельно самоутвердиться в фанатской среде. В реальности представители субкультуры «офников» время от времени приближаются к «лесным хулиганам» на почве интереса к футболу.

Анализ полученных ответов в ходе эмпирического исследования свидетельствует о том, что участники хорошо информированы о субкультуре «лесные хулиганы». Среди ответов участников встречались следующие: «Узнал от друзей, и сам там был, пытался для себя понять, что это и зачем» (м., 17 лет, студент колледжа №26); «У меня есть друзья, которые были в бригаде (в организованной группе футбольных фанатов, которая участвует в негласных рукопашных боях. — О. С.)» (м., 15 лет, студент колледжа №26); «Был в этом движе (движении. — О. С.)» (м., 16 лет, студент колледжа №26); «Лично узнал об этом, когда учился в девятом классе, знакомые занимались» (м., 17 лет, студент колледжа №26).

Привлекательной в данной субкультуре юноши и подростки считают возможность стать, как они считают, настоящим мужчиной, быть успешным среди своих сверстников. В среде «лесных хулиганов», по их мнению, молодой человек должен пройти определенные этапы, чтобы стать настоящим воином. Так, респонденты, отмечали: «Счастье — в победе, и не дрогнуть перед противником, достойно выступить, для этого нужно участвовать во всех забивах, изучать греческую и римскую литературу» (о гладиаторских боях и пр. — О. С.) (м., 15 лет, учащийся школы №1476); «Нужно отстоять больше забивов, участвуешь на всех матчах команды, то ты получаешь статус легенды, воина» (м., 15 лет, учащийся школы №1476), «Выпустить адреналин, показать свой дух, в целом, ведь не каждый может вот так выйти и подраться, нужно быть смелым» (м., 15 лет, студент колледжа №26); «Показать, на что ты способен, что ты умеешь» (м., 16 лет, студент колледжа №26).

Основная причина вовлечения в эту субкультуру связана с неспособностью многих молодых людей самостоятельно решить проблему участия в спортивной деятельности. Тренируясь в спортивной секции, выходцы из малообеспеченных семей рано или поздно сталкиваются с высокой стоимостью снаряжения для спортивных занятий. Так, один из участников отметил: «У нас был состав, который тренировался в спортзале. На все нужны деньги, для организации ринга, покупки формы и т. д. А так списался (в социальных сетях. — О. С.) с похожими, которые тоже занимаются, вы вышли, побились по правилам» (м., 17 лет, студент колледжа №26).

В целом все опрошенные учащиеся одобрительно относились к нормам, которые существуют внутри субкультуры «лесные хулиганы». С их точки зрения, внутри суб-

культуры есть определенные правила, следование которым позволяет соблюдать принцип справедливости в битвах. Участники акцентируют внимание на том, что «до битвы между составами оговариваются возраст и количество, в весовом плане все не на равных, но на поляне во время забива должен быть смотрящий (наблюдатель из опытных членов бригады, который следит за правилами соблюдения негласного боя. — О. С.), если честный околофутбол, то эта вещь полезная. Некоторые люди не могут позволить себе заниматься в залах, а околофутбол дает им такую возможность, они тренируются в лесу и становятся воинами» (м., 16 лет, студент колледжа № 26).

Однако в реальных условиях эти правила часто нарушаются, вследствие чего многие ребят получают серьезные увечья. Так, один респондент отметил: «Вы выходите на поляну и видите состав, который вы не возьмете, ваш состав 14–15 лет, а там стоят 20-летние, отступать нельзя, нужно биться. У нас бьются честно, но очень ожесточенно» (м., 16 лет, студент колледжа № 26).

Среди респондентов никто не высказался в поддержку субкультуры «офников» «Поясни за шмот», отмечая, что «есть хулиганы-околофутбольщики, которые избивают обычных людей, которые к этому не имеют никого отношения, не причастны к этому движению» (ж., 16 лет, студентка колледжа № 26). Практику спрашивать у молодых людей, имеют ли они право носить ту или иную одежду, а в случае если, с их точки зрения, не имеют, то применять к жертвам физическое насилие, респонденты посчитали ненормальной: «Меня самого поясняли (с меня спрашивали за шмот)» (м., 14 лет, учащийся школы № 1476); «он (офник. — О. С.) говорит: поясни за шмот, беги или дерись, если бежишь, поясни за шмот, значит, не прав, если дрался, то отстоял шмот» (м., 15 лет, учащийся школы № 1476); «Настоящий околофутбольщик не обязан кому-то пояснять за что-то» (м., 17 лет, студент колледжа № 26); «Там же в основном маленькие дети 13–14 лет. А вот подойти к 20-летнему, он даст в бубен (разг. по голове. — О. С.), гиены или волки нападают стаей, они так же делают, чтобы самоутвердиться друг перед другом, их боятся только семи-, восьмиклассники, потому что маленькие» (м., 17 лет, студент колледжа № 26); «Их идея связана с офниками, типа, околофутбольщики должны носить только оригинальные вещи — в этом их правда, ярые фанаты носят оригинальные вещи, по ретейлу через интернет они покупают оригинальные вещи по большим скидкам» (м., 16 лет, студент колледжа № 26); «Они часто не имеют отношения к околофутболу, а выдают себя за таких» (м., 17 лет, студент колледжа № 26).

Участники околофутбольной субкультуры в своих ответах пытаются всячески дистанцироваться от субкультуры «Поясни за шмот», называя носителей этой субкультуры презрительно «офниками», которые стремятся подражать настоящим футбольным фанатам: «Околофутбольщики могут осуждать офников. Если офники подойдут к настоящему околофутбольщику — это хорошим для них не закончится» (м., 16 лет, студент колледжа № 26); «Из-за этих малолеток много проблем, они с плохой стороны показывают околофутбол. Когда околофутбол только зарождался, в этом движении были люди, которые работали, учились, в свободное время не пиво пили, а тренировались и проводили время на поляне. А сейчас малолетки думают, что они так же делают, а на самом деле зверствуют, бьют по голове, ломают кости и т. д.» (м., 17 лет, студент колледжа № 26).

Респонденты в своих ответах обращают внимание на взаимосвязи офников с праворадикальными группировками: «Понимание справедливости у офников связано с правым и левым движением, это националистическая тема» (м., 16 лет, студент коллед-

жа №26); «Эти дегенераты думают, что Россия для русских» (м., 17 лет, студент колледжа №26).

По мнению большинства опрошенных участников, субкультура офников за последние год-два постепенно стала из Москвы вытесняться в регионы. Основная причина кроется в том, что в публичных группах околофутбольных сообществ в социальных интернет-сетях в 2018–2019 гг. стали высмеивать подростков-офников, создавая интернет-мемы, выкладывая карикатурные ролики на них: «Это движение в Москве было актуально год назад, сейчас их все меньше и меньше, просто в Интернете начался сильный рофл (разг. «над этим начали смеяться»), после этого они стали исчезать» (м., 16 лет, студент колледжа №26). Не последнюю роль в нивелировании роли офников в интернет-пространстве сыграли популярные блогеры, которые присоединились к коллективному осуждению данной субкультуры.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, субкультура футбольных фанатов как форма объединения и самоорганизации молодежи предлагает молодому человеку собственные мировоззренческие модели. В данных моделях отражаются инновационные практики поведения, формы проведения досуга, выраженные в специфических ценностях, нормах, образцах поведения. Публичный интерес к околофутбольному движению повысился в связи с ростом популярности в подростковой среде субкультуры офников. Практики, которые транслирует данная субкультура, следует отнести к практикам делинквентного поведения. Ее делинквентными признаками выступают агрессивное поведение в отношении других группировок, экстремистская направленность, применение действий насильственного характера в отношении других людей.

Во многом из-за этого в рамках околофутбольного движения стала выделяться субкультура «лесных хулиганов», которая пытается отделиться от офников, поскольку последние выражают установки на негативное девиантное поведение, связанное с внешней агрессией по отношению к обществу. Таким образом, саморегуляция девиантного поведения внутри субкультуры футбольных фанатов отражает процессы размежевания, отделения так называемых правильных фанатов от офников, организаторов акций «Поясни за шмот», которые, с точки зрения «правильных фанатов», руководствуются преимущественно незрелыми идеями. Данное размежевание становится результатом дискурса, который разворачивается в последние годы в социальных интернет-медиа околофутбольных сообществ.

В культурном пространстве информантов субкультуры «лесные хулиганы» и «офники» регламентируют отношение молодых людей к околофутбольному движению, предлагая образцы поведения воинов, героев легенд — у «лесных хулиганов» и борцов за чистоту движения — у «офников».

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ В 2013–2014 гг. на Украине после политического кризиса произошла смена власти. В восточных регионах государства началось вооруженное противостояние между сторонниками новой власти и сторонниками самоопределения ряда территорий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Девиантность, преступность и социальный контроль в «новом мире» (2012) : сборник статей / под общ. ред. Я. И. Гилинского. СПб. : Алеф-Пресс. 352 с.

Ефимов, Е. Г. (2017) Моральная паника в отношении социальных сетей как фактор суицидальной активности молодежи (сравнительный анализ американской и российской модели) // Динамика социальной трансформации российского общества: региональные аспекты. Материалы V Тюменского международного социологического форума / отв. ред. М. М. Акулич. Тюмень : Тюменский государственный университет. 1141 с. С. 139–142.

Зубок, Ю. А. (2015) Доверие в саморегуляции молодежного экстремизма // Знание. Понимание. Умение. №4. С. 63–77.

Ковалева, А. И. (1996) Социализация личности: норма и отклонение. М. : ИМ ; Голос. 222 с.

Комлев, Ю. Ю. (2014) Теории девиантного поведения : учеб. пособие. 2-е изд., испр. и доп. СПб. : Изд. дом «Алеф-пресс». 222 с.

Комлев, Ю. Ю., Сафиуллин, Н. Х. (2006) Социология девиантного поведения : учеб. пособие / под общ. ред. Ю. Ю. Комлева. 2-е изд., перераб. и доп. Казань : КЮИ МВД России. 222 с.

Лапин, Н. И. (2008) Теория и практика инноватики : учеб. пособие. М. : Университетская книга ; Логос. 328 с.

Луков, В. А. (2012) Теории молодежи: Междисциплинарный анализ. М. : Канон+, РООИ Реабилитация. 528 с.

Мертон, Р. (1966) Социальная структура и аномия // Социология преступности (современные буржуазные теории) / ред. М. Н. Грецкий. М. : Прогресс. 319 с. С. 299–313.

«Нормальная аномия» в России и современном мире (2017) / под общ. ред. С. А. Кравченко. М. : МГИМО-Университет. 281 с.

Омельченко, Е. Л. (2014) Скинхед-идентичность в локальном контексте: гомосоциальность, интимность и тело бойца // Этнографическое обозрение. №1. С. 61–76.

Омельченко, Е. Л. (2019) Уникален ли российский случай трансформации молодежных культурных практик? // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. №1 (149). С. 3–27.

Парсонс, Т. (2002) О социальных системах / под ред. В. Ф. Чесноковой и С. А. Белановского. М. : Академический Проект. 832 с.

Пятницкая, И. Н. (2011) Трудные дети — трудные взрослые. М. : КноРус. 120 с.

Салагаев, А. Л. (2011) Делинквентная группировка как разновидность подростково-молодежного территориальной сообщества // Вестник Казанского юридического института МВД России. №1 (3). С. 3–11.

Социология молодежи. Энциклопедический словарь (2008) / отв. ред. Ю. А. Зубок и В. И. Чупров. М. : Academia. 608 с.

Чупров, В. И., Зубок, Ю. А., Романович, Н. А. (2019) Доверие в саморегуляции изменяющейся социальной реальности : монография. М. : Норма. 208 с.

Чупров, В. И., Осипова, М. А. (2011) Социология управления. Теоретические основы : учебник. М. : РУДН. 172 с.

Bell, K. E. (2009) Gender and gangs: A quantitative comparison // Crime & Delinquency. №55(3). P. 363–387.

Cohen, A. K. (1955) Delinquent boys: The culture of the gang. New York : The Free Press. 198 p.

Copes, H., Williams, J. P. (2007) Techniques of affirmation: Deviant Behavior, Moral Commitment, and Subcultural Identity // Deviant Behavior. №28. P. 247–272.

Decker, S. H. (1996) Collective and normative features of gang violence // Justice Quarterly. Vol. 18 (2). P. 243–264.

Glesmann, C., Krisberg B., Marchionna S. (2009) Youth in Gangs: Who Is at Risk? FOCUS. Oakland, CA. 10 p.

Goode, E., Ben-Yehuda N. (1994) Moral Panics: Culture, Politics and Social Construction // Annual Review of Sociology. Vol. 20. P. 149–171.

Klein, M. W., Meyerhoff, B. G. (Eds.) (1968) Juvenile gang in context: Theory, research and action. Englewood Cliffs, NJ : Prentice-Hall. 190 p.

Kubik, J., Docherty, M., Boxer, P. (2019) The impact of childhood maltreatment on adolescent gang involvement // Child Abuse & Neglect. Vol. 96. P. 1–11.

Lauger, T. R. (2012) *Real gangstas: Legitimacy, reputation, and violence in the intergang environment* (Critical Issues in Crime and Society). Rutgers University Press. 272 p.

McDaniel, D. D. (2012) Risk and protective factors associated with gang affiliation among high-risk youth: a public health approach // *Injury prevention*. Vol. 18(4). P. 253–258.

Short, J. F., Strodbeck, F. L. (1965) *Group process and gang delinquency*. Chicago: University of Chicago Press. 322 p.

Smith, C., Thornberry, T. P. (1995) The relationship between childhood maltreatment and adolescent involvement in delinquency // *Criminology*. Vol. 33(4). P. 451–481.

Smith, S., Gomez, Z., Auyong, G., Ferguson C. (2019) Social Learning, Social Disorganization, and Psychological Risk Factors for Criminal Gangs // *British Youth Context, Deviant Behavior*. №40: 6. P. 722–731.

Tapia, M. (2019) Modern Chicano Street Gangs: Ethic Pride Versus «Gangsta» Subculture // *Hispanic Journal of Behavioral Sciences*. Vol. 41(3). P. 312–330.

Topalli, V. (2005) When Being Good is Bad. An Expansion of Neutralization Theory // *Criminology*. Vol. 43. P. 797–835.

Дата поступления: 11.09.2019 г.

*SUBCULTURES “FOREST HOOLIGANS” AND “OFFNIKS”
IN THE CULTURAL SPACE OF YOUTH*

O. V. SOROKIN

*RAS INSTITUTION INSTITUTE OF SOCIO-POLITICAL RESEARCH;
HIGHER SCHOOL OF MODERN SOCIAL SCIENCES, LOMONOSOV MOSCOW STATE UNIVERSITY*

The article analyzes the subculture of football fans as a form of youth unification and self-organization. The empirical base was a series of focused interviews with students of secondary schools and colleges in Moscow in 2019. Participants in the subculture of “forest hooligans” were interviewed to reveal their attitude to the subculture of “offniks” within the off-field football community.

The signs of delinquent subcultures characteristic of the communities “forest hooligans” and “offniks” are examined: the presence of their territory, organizational structure, some degree of solidarity, the regular commission of various offenses, the demonstration of subcultural signs that ensure the identification of community members, the violent nature of actions, participation in group fights, “protection” of the territory, etc. The self-regulation of deviant behavior within the subculture of football fans reflects the processes of dissociation, separation of the so-called true fans from the “offniks”, the organizers of the campaign “Explain your garms”.

Keywords: youth; deviant behavior; youth deviant behavior; delinquent subcultures; football fans; forest hooligans; offniks

REFERENCES

Deviantnost', prestupnost' i sotsial'nyi kontrol' v «novom mire» (2012) : sbornik statei / ed by Ia. I. Gilinskogo. St. Petersburg, Alef-Press. 352 p. (In Russ.).

Efimov, E. G. (2017) Moral'naia panika v otnoshenii sotsial'nykh setei kak faktor suitsidal'noi aktivnosti molodezhi (sravnitel'nyi analiz amerikanskoi i rossiiskoi modeli). In: *Dinamika sotsial'noi transformatsii rossiiskogo obshchestva: regional'nye aspekty. Materialy V Tiimenskogo mezhdunarodnogo sotsiologicheskogo foruma* / ed. by M. M. Akulich. Tiumen', Tiimenskii gosudarstvennyi universitet. 1141 p. Pp. 139–142. (In Russ.).

Zubok, Iu. A. (2015) Doverie v samoregulatsii molodezhnogo ekstremizma. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, no. 4, pp. 63–77. (In Russ.).

Kovaleva, A. I. (1996) *Sotsializatsiia lichnosti: norma i otklonenie*. Moscow, IM; Golos. 222 p. (In Russ.).

Komlev, Iu. Iu. (2014) *Teorii deviantnogo povedeniia* : ucheb. posobie. 2nd ed. St. Petersburg, Izd. dom «Alef-press». 222 p. (In Russ.).

Komlev, Iu. Iu. and Safullin, N. Kh. (2006) *Sotsiologiya deviantnogo povedeniia* : ucheb. posobie / pod obshch. red. Iu. Iu. Komleva. 2nd ed. Kazan', KIU MVD Rossii. 222 p. (In Russ.).

- Lapin, N. I. (2008) *Teoriia i praktika innovatiki* : ucheb. posobie. Moscow, Universitetskaya kniga ; Logos. 328 p. (In Russ.).
- Lukov, V. A. (2012) *Teorii molodezhi: Mezhdistsiplinarnyi analiz*. Moscow, Kanon+, ROOI Reabilitatsiia. 528 p. (In Russ.).
- Merton, R. (1966) Sotsial'naya struktura i anomii. In: *Sotsiologiya prestupnosti (sovremennye burzhuaznye teorii)* / ed. by M. N. Gretskii. Moscow, Progress. 319 p. Pp. 299–313. (In Russ.).
- «Normal'naya anomii» v Rossii i sovremennoy mire (2017) / ed. by S. A. Kravchenko. Moscow, MGIMO-Universitet. 281 p. (In Russ.).
- Omel'chenko, E. L. (2014) Skinkhed-identichnost' v lokal'nom kontekste: gomosotsial'nost', intimnost' i telo boitsa. *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 1, pp. 61–76. (In Russ.).
- Omel'chenko, E. L. (2019) Unikalen li rossiiskii sluchai transformatsii molodezhnykh kul'turnykh praktik? *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*, no. 1 (149), pp. 3–27. (In Russ.).
- Parsons, T. (2002) *O sotsial'nykh sistemakh* / ed. by V. F. Chesnokova and S. A. Belanovskii. Moscow, Akademicheskii Proekt. 832 p. (In Russ.).
- Piatnitskaia, I. N. (2011) *Trudnye deti — trudnye vzroslye*. Moscow, KnoRus. 120 p. (In Russ.).
- Salagaev, A. L. (2011) Delinkventnaya gruppировка kak raznovidnost' podrostkovo-molodezhnogo territorial'noi soobshchestva. *Vestnik Kazanskogo iuridicheskogo instituta MVD Rossii*, no. 1 (3), pp. 3–11. (In Russ.).
- Sotsiologiya molodezhi. Entsiklopedicheskii slovar'* (2008) / ed. by Yu. A. Zubok and V. I. Chuprov. Moscow, Academia. 608 p. (In Russ.).
- Chuprov, V. I., Zubok, Iu. A. and Romanovich, N. A. (2019) *Doverie v samoregulatsii izmeniaushcheisia sotsial'noi real'nosti* : monografiia. Moscow, Norma. 208 p. (In Russ.).
- Chuprov, V. I. and Osipova, M. A. (2011) *Sotsiologiya upravleniia. Teoreticheskie osnovy* : ucheb. Moscow, RUDN. 172 p. (In Russ.).
- Bell, K. E. (2009) Gender and gangs: A quantitative comparison. *Crime & Delinquency*, no. 55 (3), pp. 363–387.
- Cohen, A. K. (1955) *Delinquent boys: The culture of the gang*. New York, The Free Press. 198 p.
- Copes, H. and Williams, J. P. (2007) Techniques of affirmation: Deviant Behavior, Moral Commitment, and Subcultural Identity. *Deviant Behavior*, no. 28, pp. 247–272.
- Decker, S. H. (1996) Collective and normative features of gang violence. *Justice Quarterly*, vol. 18. (2), pp. 243–264.
- Glesmann, C., Krisberg B. and Marchionna S. (2009) *Youth in Gangs: Who Is at Risk?* FOCUS. Oakland, CA. 10 p.
- Goode, E. and Ben-Yehuda N. (1994) Moral Panics: Culture, Politics and Social Construction. *Annual Review of Sociology*, vol. 20, pp. 149–171.
- Klein, M. W. and Meyerhoff, B. G. (Eds.) (1968) *Juvenile gang in context: Theory, research and action*. Englewood Cliffs, NJ : Prentice-Hall. 190 p.
- Kubik, J., Docherty, M. and Boxer, P. (2019) The impact of childhood maltreatment on adolescent gang involvement. *Child Abuse & Neglect*, vol. 96, pp. 1–11.
- Lauger, T. R. (2012) *Real gangstas: Legitimacy, reputation, and violence in the intergang environment (Critical Issues in Crime and Society)*. Rutgers University Press. 272 p.
- McDaniel, D. D. (2012) Risk and protective factors associated with gang affiliation among high-risk youth: a public health approach. *Injury prevention*, vol. 18(4), pp. 253–258.
- Short, J. F. and Strodtbeck, F. L. (1965) *Group process and gang delinquency*. Chicago: University of Chicago Press. 322 p.
- Smith, C. and Thornberry, T. P. (1995) The relationship between childhood maltreatment and adolescent involvement in delinquency. *Criminology*, vol. 33(4), pp. 451–481.
- Smith, S., Gomez, Z., Auyong, G. and Ferguson C. (2019) Social Learning, Social Disorganization, and Psychological Risk Factors for Criminal Gangs. *British Youth Context, Deviant Behavior*, no. 40: 6, pp. 722–731.

Tapia, M. (2019) Modern Chicano Street Gangs: Ethic Pride Versus «Gangsta» Subculture. *Hispanic Journal of Behavioral Sciences*, vol. 41(3), pp. 312–330.

Topalli, V. (2005) When Being Good is Bad. An Expansion of Neutralization Theory. *Criminology*, vol. 43, pp. 797–835.

Submission date: 12.09.2019.

Сорокин Олег Владимирович — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Центра социологии молодежи Института социально-политических исследований РАН; доцент Высшей школы современных социальных наук Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. Адрес: 119333, Россия, г. Москва, ул. Фотиевой, д. 6. к. 2; 119991, ГСП-1, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 13. Тел.: +7 (499) 530-28-84; +7 (495) 939-36-29. Эл. адрес: ov.sorokin@gmail.com

Sorokin Oleg Vladimirovich, Candidate of Sociology, Senior Research Fellow, Center for Sociology of Youth, RAS Institute of Socio-Political Research; Associate Professor, Higher School of Modern Social Sciences, Lomonosov Moscow State University. Postal address: 6, Bldg. 2, Fotievoy St., Moscow, Russian Federation, 119333; GSP-1, 1, Bldg. 13, Leninskiye Gory, Moscow, 119991. Tel.: +7 (499) 530-28-84; +7 (495) 939-36-29. E-mail: ov.sorokin@gmail.com

DOI: 10.17805/zpu.2019.4.9

Влияние повседневности на частоту самоубийств*

П. А. КОРОТКОВ

ПОВОЛЖСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ,

А. Б. ТРУБЯНОВ

МАРИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ,

Е. А. ЗАГАЙНОВА

КАЗАНСКИЙ (ПРИВОЛЖСКИЙ) ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

В статье представлен авторский подход к изучению влияния повседневности на частоту самоубийств. Повседневность рассматривается в качестве фактора самоубийства, комплексно отражающего социально-экономические условия. Анализируется соотношение основных видов повседневной деятельности (труда, быта и досуга) с позиций концепций суицидального поведения.

Показано, что для повседневной жизни работающих по найму свойственен типический конфликт работы и остальной (личной, семейной и общественной) жизни, или рабочего и вне рабочего времени. Этот конфликт — решающий фактор суицидальных проявлений. Увеличение продолжительности рабочего времени, с одной стороны, структурирует жизнь, предупреждая скуку и тревогу, с другой — препятствует удовлетворению обыденных потребностей. В свою очередь, продолжительность видов деятельности во вне рабочее время отражает тесноту связи с другими людьми (фактор снижения риска самоубийства), а также социальную изоляцию и одиночество (факторы повышения риска самоубийства). Анализируется схема функциональной организации целенаправленного поведения в повседневной жизни: «работа — остальная жизнь».

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №19-010-00830.

The reported study was funded by RFBR according to the research project №19-010-00830.